

ПОДВИГ ДУШИ

Читая Блока

Ровно век назад родился поэт Александр Александрович Блок. Память человечества чтит гениев не однозначно, поэтов она выдвигает вперед; но для специалистов античность — это Гомер, Возрождение — Петрарка и Шекспир, остальные имена из тех эпох — для эрудитов. Кибернетика позволяет XX веку полное «за-консервировать» для потомков информацию о себе, но не кибернетика справляется с отбором в памяти: работу по увековечиванию поэтов. Время поручает памяти души.

Классик, гений, Блок не из числа популярных поэтов. Популярность поверхностна, глубины не могут быть популярными, особенно глубины поэтические, они должны быть под силу душе. Можно возразить и даже ревниво возмутиться, узнав, что есть такие строчки:

...Только влюбленный
имеет право на звание

человека.

Но это одна из поэтических глубин!

Александр Блок — это прежде всего «человек, называющий все по имени, отнимающий аромат у живого цветка».

И как же все понятно, как логически просто на первый взгляд: Человек влюблен! Но он — сочинитель, он называет «все по имени». (Чаще поступают наоборот. А все по имени — значит, не обольщаться, не быть обманщиком. Это трудно и не всем по плечу). Стихи Влюбленного впитали в себя аромат живых цветов и сладость тихого незнания «о дальних ропотах земли», узнали, как «леса сквозят тишиной», увидели — «пожаром зари сожжено и раздвинуто бледное небо», стихи «провидели светлые цели»...

Блок — русский, очень русский, сокровенно, предначертанно русский, до чародейства, до волшебности. Сжимается сердце, когда читаешь у Блока о России, о его любви к ней.

Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их

мощь.

Этот знак, что сгорел, —
не умрет.

Этот куст — без исленья —
тощ.

...О, Русь моя! Жена моя!
До боли

Нам ясен долгий путь!
Здравый смысл повседневного мышления не позволяет постигнуть ясность мысли и масштабы чувств Блока.

Открой мои книги:
там сказано все,

что свершится.

Что это: мистика, предрека-тельство? Так и объясняли Блока упорно долгое время: ми-

стик, символист, декадент... Но прочтите сейчас, сегодня его стихи «Моей матери» («Помнишь думы? Они улети-ли»). В стихах «бездумные» (с точки зрения того времени — 1904 год!) «дети» слетали в иные миры, побывали на «планете, где... близились к юности вечной».

Нам казалось: мы кратко
блуждали.

Нет, мы прожили долгие
жизни.

Возвратились — и нас
не узнали,

и не встретили в милой
отчизне.

Блок явственно написал о «краях запредельных... за стезей ослепительно млечной!». Как поэт мог реально представить и пережить законы относительности за год до публикации Эйнштейном его ныне знаменитой теории относительности? На этот вопрос не ответить термином «символизм», словом «мистика». Век космоса наступил полвека спустя, и стала понятна точная реальность этих лучших стихов о Космосе. Космическая тема сейчас — едва ли не самая ходовая у умеющих рифмовать, после полетов в космос их нетрудно придумать.

«Вовсе не мистик я, не понимаю я мистики» (Александр Блок, 1904 год).

Блок умел слышать, ощущать стихию. Он услышал гул, шум революции и первый написал о ней, сказав в час окончания поэмы «Двенадцать»:

— Сегодня я — гений.

Блок «смотрел на радугу, когда писал «Двенадцать», поэма стала ветром революции, взрезалась в века.

Отталкиваясь от слов Есенина «пора уже в дорогу бранные пожитки собирать», К. Паустовский, совершенно неповторимо ценивший Блока, писал: «Среди «бранных пожитков» никогда не будет стихов Блока. Потому что они не подчиняются закону бренности, законам тления и будут существовать, пока жив человек на нашей земле. Так называемых концепций и «загадок» Блока у нас много. Мне думается, что у Блока все было яснее и проще, чем об этом пишут его исследователи».

Мы начинаем сознавать: жизнь и поэзия Блока — это подвиг души, подвиг человека с «тяжелым кораблем души», ибо великий поэт — это великий человек, его кораблю не плыть на мелководье. Только глубокие воды — воды Блока. Ему «тяжело» было «строить находить в нестройном вихре чувств», но он нашел этот строй. В итоге какая глубина, какое мужество аналитика в Блоке!

Ну, что ж? Одной заботой
боле —
одной слезой река шумней,
а ты все та же — лес, да поле,
да плат узорный до бровей...
И невозможное возможно...

Сдержанный и страстный, печальный и гордый, строгий и чуткий, постоянно задумчивый и постоянно влюбленный — этот светлый человек был сгустком жизни, сгорел, как сгорает космический корабль, входя в плотные слои атмосферы. Но оставил он свою душу, свою страсть, как наследие земли, Родины.

Необъяснимы и мучительны совершенные по форме стихи Блока о любви. В них такая полнота состояния, что стихи невозможно прочесть вслух без того, чтобы не стать их героем, автором, их действующим лицом. Эти стихи не прошепнешь на ушко, не припишешь в альбомчике: они — высокое благородство сильного сердца.

— Искусство, как и жизнь, слабым не по плечу.

...В лирике закрепляются переживания души, в наше время, по необходимости, уединенной, — писал Блок, что чрезвычайно важно для его правильного понимания. Те, кому видится поэт тольно-салонным, рафинированным — порядным, далеки от него, от его метелей, ущелий и поэтических скал.

Чем дальше уходит время, тем более крепкими, единственными, сокровенными для всех, кому дорог Блок, становятся его стихи о «дальних ропотах земли», о поле Куликовом, о скалах, Незнакомке и любви — именно те, которые вначале казались, быть может, неуловимо призрачными, одномоментными.

Влияние Блока на эстетический и нравственный опыт нашей эпохи, наверное, предстоит еще осмыслить, как осмысливаем мы сейчас его высокие требования к человеку, его высокое мнение о нем. «Человек есть будущее» — считал поэт, и с этой меркой подходил даже к себе. Б. Пастернак едва ли не более всего ценя в Блоке чувство «земной уместности, неотделимой от гения», Блок «уместен» на земле, во времени, в жизни. И спасибо ему за это. Спасибо за то, что в муках души он построил тезис высшего оптимизма:

Сотри случайные черты,
и ты увидишь:
Мир прекрасен!

Г. АГЕНОСОВ,
преподаватель педагогического института.